

Ольга ФУКС

— Армен Джигарханян, который тоже играл эту роль, однажды признался, что каждый раз после Крэппа ему невероятно тяжело.

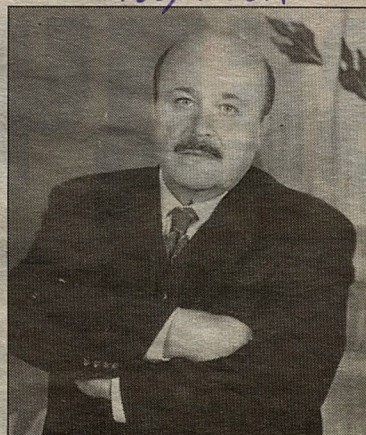
— Я не видел Армена в роли Крэппа. Не знаю, что он имел в виду, но мне тоже тяжело — я обязательно репетирую перед спектаклем и очень долго настраиваюсь. Но я счастлив, что сыграл эту роль именно сейчас, в таком возрасте. Сначала хотел пренебречь юбилейным спектаклем, но Давид (продюсер Давид Смелянский) надавил, и Роберт (Роберт Стурюа) согласился, предложив мне «Последнюю ленту Крэппа». Я прочитал — текста с гулькин нос, скука такая, к себе никак применить не могу. Мы переживали, я отнекивался, обговаривали что-то еще. А через два месяца он приехал в Москву — и снова: «Все-таки давай попробуем Беккета». У меня жизнь так сложилась, что я приучен доверять режиссеру. Так было и с Лениным, и с Федей Протасовым, и с Шейлоком, и с Платоновым. Раз режиссер видит меня в этой роли и берет на себя ответственность, значит, он прав.

— А что у вас общего с Крэппом — совершенно одиноким, беспомощным, бездарным?

— Нас защищает цинизм, что не всегда плохо, ирония, самоирония, даже пошлость. Но если отбросить эту защиту, то и у тебя, и у меня — у любого — есть такие моменты, когда ты предал в себе что-то, не дошел до конца, хотя должен был дойти, не был чистоплотен в каких-то ситуациях, хотя обязан был быть чистоплотным. По отношению к себе. Платоновский крик из «Механического пианино» — «Пропала жизнь!» — возвращается на другом уровне, в другом возрасте — в состоянии старости, опущенности. Платонову тридцать пять лет, и он ничего в жизни не сделал. Крэппу почти семьдесят — а крик тот же. Мы стареем, но душа-то не стареет. Я долго не понимал, почему Роберт все время гоняет моего Крэппа в туалет. А потом понял: человек испытывает колоссальную потребность доказывать себе простейшими физиологическими актами — съесть банан, который тебе категорически нельзя, помочиться, сполоснуть лицо — что жизнь еще теплится в тебе.

Вся моя жизнь рифмуется с этой ролью. Я сыграл ее как раз в тот момент, когда был в наиболее подходящей форме. Чтобы роль состоялась, актеру необходим талант, здоровье, удачное стечение обстоятельств. И — внутренняя готовность к этой роли. У меня, например, не получился бы Платонов, сыграй я его хотя бы на год раньше. Но именно тогда, пережив за один год смерть матери и жены, оставшись с маленькой дочкой на руках, я смог сыграть Платонова. То же самое с Крэппом. Я, такой вроде бы цветущий на вид, такой благополучный со своими званиями, регалиями, постом председателя СТД, такой еще молодой по сравнению с Крэппом, сыграл его очень вовремя.

...А этот холодильник, забитый тиражом его книги, из которого только шесть экземпляров продано и еще

Главное украшение кабинета художественного руководителя театра «Et Cetera» — портреты кумиров, задавших ему «систему координат», — Чаплина, Эфроса, Стурюа. Присутствуют также портреты лиричные и шуточные вроде такого — безмятежно улыбающийся во сне Александр Александрович (Калягин) на плече у нервно курящего Роберта Робертовича (Стурюа), взгляд которого точно спрашивает камеру: и что, мол, прикажете делать с этим матерым человекищем? А рядом — свои собственные, только не в пиджаках-галстуках, а в камзоле, или латах, или в летном шлеме, или в кипе — в ролях. Когда талантливый актер позволяет себе спуститься с подмостков и стать еще кем-то,

общественность горестно восклицает: зачем ему это?! Зачем поднимать с нуля театр, руководить огромным общественным союзом, решая отнюдь не художественные задачи, вести телепередачу не в прайм-тайм? Львиная доля этих «зачем» основана на элементарной ревности. Общественность чувствует себя собственником кумира. И забывает, что актерство — диагноз пожизненный. Отдав дань всем «амплуа» Александра Александровича, мы вернулись к его главному призванию. Чтобы говорить... о старости, одиночестве и тяжести подведения итогов, творческих и человеческих. О том, что составляет содержание его последней (на сегодняшний день) роли — старого писателя Крэппа.

одиннадцать разослано по библиотекам...

— Вот-вот, какое к вам это имеет отношение?

— Этот мертвый холодильник забит моими ролями!

— Несыгранными?

— Почему, сыгранными. Я столько всего сыграл, а в памяти останется... шесть ролей. Да и эти работы, по большому счету, не важны. Важно почувствовать эту жизнь — через своего ли ребенка или через свое дело, если тебе это дано. И важно, что в конце жизни человек остается абсолютно одиноким, даже если он со всех сторон окружен родственниками. Одинок, как этот Крэпп.

— А вы сами можете отличить «поражение от победы»?

— Не сразу, но могу. Причем времени от премьерной эйфории до осознания «поражения» с каждым годом требуется все меньше. Сейчас мне не надо месяца по три плавать в каких-то миражах относительно того, как я сыграл. Итого, — говорю себе, — Сашок...

— Если можно — про отношения с критиками. Вы несколько раз вздрызг — до открытых писем — ругались с некоторыми из них, а спустя какое-то время давали им самые добродетельные интервью. Что это — стратегия или умение прощать?

— Умение прощать. Сколько раз мои друзья уговаривали не реагировать на критику! Толя Смелянский*,

* Анатолий Смелянский — театровед, ректор Школы-студии МХАТ.

«Последняя лента Крэппа»

который сам оттуда, постоянно говорит мне: «Сань, не отвечай, закроют». То, что критики не читают, не знают многого — видно по их рецензиям. Но все-таки мы на одном заводе работаем, хоть и в разных цехах. У нас — сборочный цех, у вас — ОТК, отдел технического контроля. И все, что наш завод выпускает, имеет отношение к людям, которые мне дороги. Я в принципе не могу работать в атмосфере ненависти, подначек, негативных подтекстов.

— Настолько, что готовы сделать первый шаг?

— А я так и делаю. Это не значит, что я кипятишься не буду. Насчет себя я спокоен, потому что к критике давно привык. Поверь, за все мои фильмы, которые сегодня числятся как мои достижения, я в свое время получал от критики по полной программе. Но когда оскорбляют моих актеров, для меня это все равно что оскорбить моих детей. Я сам буду разбираться со своими актерами.

А вообще это нормальное живое дело, и реакции мои — живые. Вот когда я буду только зевать на злую критику, скажу сам себе — э, Сашок, сов-

сем ты мух не отгоняешь, лежишь себе, точно полное...

— Недавно прошла режиссерская конференция, о необходимости которой вы так долго говорили. У вас не осталось несколько удручающего впечатления от коллективного портрета нашей режиссуры?

— Творческие люди должны общаться, даже если они и не договорятся до каких-то позитивных решений. Это одна сторона вопроса. С другой стороны, режиссерский цех (я говорю не о мэтрах) удручил меня своим косноязычием, своей демагогией — пустяшный вопрос о том, написать ли в документах «режиссер» или «режиссер-постановщик», решили сорок пять минут: я специально время засекал. И, простите, даже своим внешним видом. Я не говорю, что надо ходить в смокинге, но режиссер не должен выглядеть, как сторож с лыжной базы!

— Вы не жалеете, что ваши дети не продолжили династию, да еще и живут не с вами?

— Продолжить династию почти никому не удавалось достойно. Разве что Косте Райкину. Кто еще? Ну, Маша Миронова, Саша Лазарев. Жалко, конечно, что дочка в Америке живет, особенно когда внук родился. Но ее Америка не изменила — она слишком умная, начитанная и любопытная, МГУ окончила. Сын Денис окончил колледж, дипломную работу написал про Аристотеля по-английски. А в аспирантуру приехал сюда учиться.

— Александр Александрович, у вас есть два таких неподъемных дела, как руководство театром и руководство СТД. Можете объяснить, зачем вам еще и телепередачу вести понадобилось?

— Это очень хорошее дело. Передача помогает держать руку на пульсе. Когда я начинал преподавать, я был очень загруженным артистом — съемки, спектакли. И тоже можно было спросить: зачем мне еще за педагогикой браться? Но мне Ефремов говорил: преподавая, ты поймешь свои ошибки.

Сегодня я веду передачу, завтра — кто-то другой. Я очень хочу, например, чтобы это кресло занял Режиссер. И за кресло руководителя СТД совершенно не держусь — единственное, чего бы мне хотелось, чтобы СТД все-таки не развалился. Вся прелесть в том, что мы не вечны. Кто-то исходит злобной завистью в адрес Табакова, кто-то в мой адрес из-за того, что мы театры строим, положение свое используем. Ну и что? Мы умрем, а театры останутся.

Насколько Александр

20.03.03